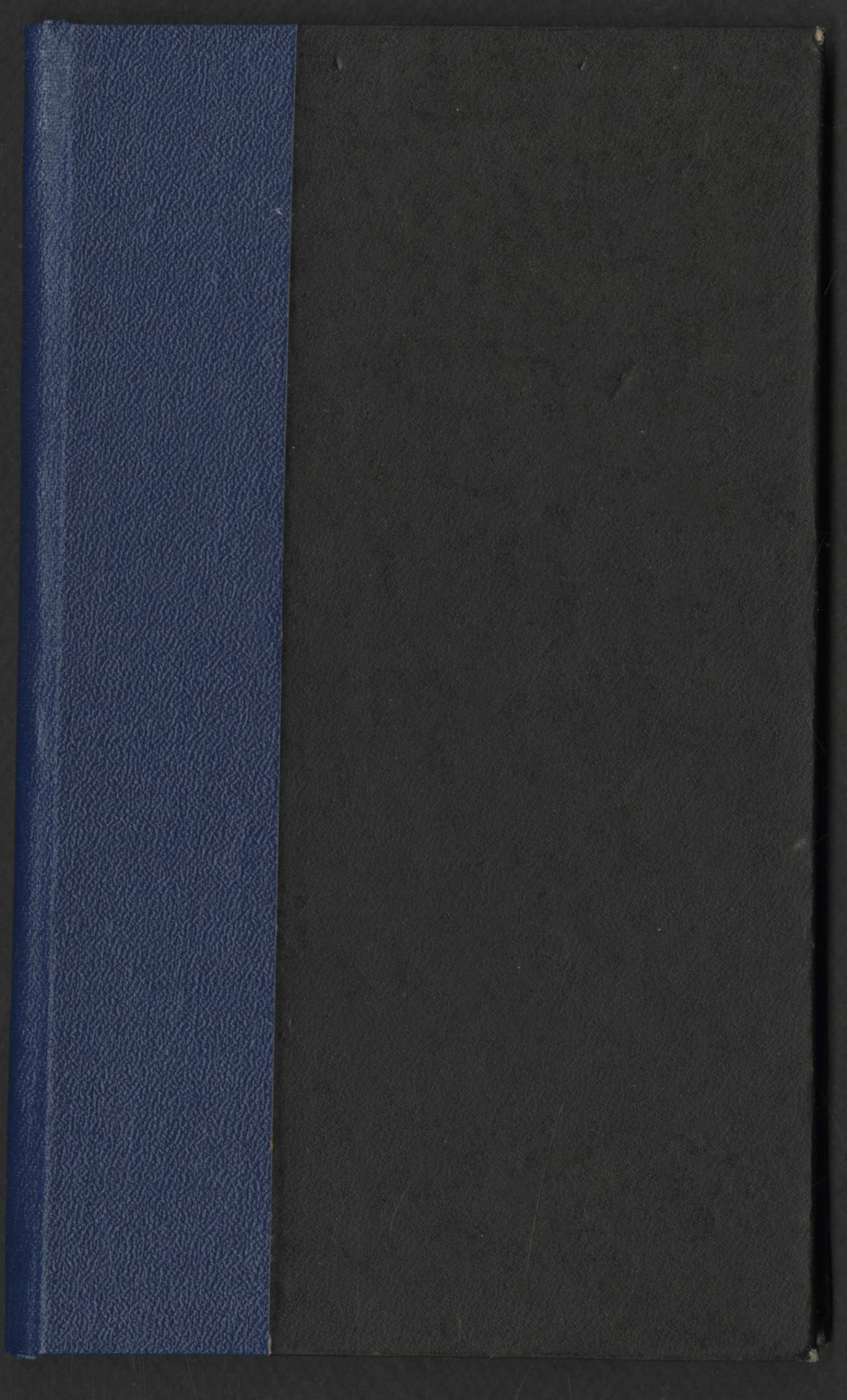

ВОЛШЕБНАЯ ПАЛАТА,

ПЕРСИДСКАЯ СКАЗКА.

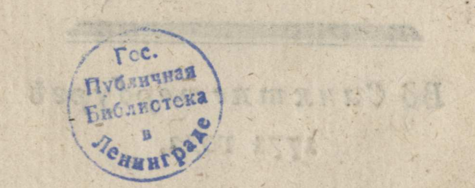
Перевелъ съ Персидскаго языка.

Карачунъ.

Въ Санктпетербургѣ

1771 года.

ПЕРСИДСКАЯ

СКАЗКА

Имя Гелимово поднесь славно по всему востоку; и по нынѣ еще называется онъ въ Персiи, Гелимъ великiй врачь. Онъ изыскалъ силу простыхъ лѣкарствъ, имѣлъ совершенное свѣденiе въ движенiи звѣздъ, и проникнулъ во всѣ таинства начертанные на печати Соломоновой; былъ правителемъ черной палаты, и начальникомъ врачей великаго Альнаресхина Царя Персидскаго.

Сей Альнаресхинъ почитался наилютѣйшимъ тираномъ, между всѣми прежде его царствовавшими въ сихъ странахъ; былъ нрава подозрѣвающаго и кровожаждущаго. Неосновательныя ревности довели его до умерщвленія тридцати пяти своихъ султаншъ, и болѣе дватцати своихъ сыновъ; которыхъ всѣхъ обвинялъ онъ во умыслахъ противъ его живота. На конецъ утрудясь продолжать ужасныя свирѣпости и проливать собственную свою кровь, устрашился пресѣченія племяни Калифовъ. Нѣкогда призвалъ онъ къ себѣ Гелима и говорилъ ему: Гелимъ! Давно удивляюсь я глубокой твоей премудрости и поступкамъ; теперь хочу показать тебѣ, до чего простирается моя къ тебѣ довѣренность, слушай: у меня

теперь

теперь осталось два сына и тѣ еще младенцы; ихъ возамѣрился я поручить твоему смотрѣнію, и что бы ты о воспитаніи ихъ такое имѣлъ попѣченіе, какъ родной ихъ отецъ; вселилъ бы въ нихъ сію къ ученію охоту, которая юныя души отвращаетъ отъ властолюбивыхъ помышленій. Симъ только образомъ поколѣніе Калифовъ можетъ сохраниться, и дѣти мои по кончинѣ моей наслѣдятъ престолъ Персидскаго Государства, не стараяся объ ономъ при жизни моей. Воля Царя и Государя моего да исполнится, отвѣчалъ Гелимъ, и упавъ къ ногамъ Монаршимъ, возвратился въ домъ свой. Вскорѣ послѣ сего отвели молодыхъ Царевичей къ Гелиму, и съ того времяни не упускалъ онъ ничево, что

бы могло вселить въ нихъ вкусъ къ наукамъ и къ добродѣтели. Они любили и почитали Гелима какъ своего отца, и подъ его смотрѣнїемъ толь великїя успѣхи показали, что на двацатомъ году совершенно обучили всѣ науки, кои тогда на востокѣ во употребленїи были. большой назывался Ибрагимъ, а меньшой Абдалахъ; они жили въ такомъ совершенномъ согласїи, что дошло и до позднѣйшихъ времянъ, когда случалось описывать двухъ совершенныхъ друзей, то говаривали, что они такъ дружны, какъ Ибрагимъ и Абдалахъ.

Гелимъ имѣлъ только одну дочь, которая въ наипрелестнѣйшемъ тѣлѣ имѣла душу совершенную, а отецъ ее употребилъ старанїе просвѣтить

разумъ

разумъ ее науками. Но какъ младыя Царевичи совсѣмъ удалены были отъ обхожденія свѣтскаго, то за удовольствіе почитали всякой день быть вмѣстѣ съ сею прекрасною дѣвицею, которая упражнялася съ ними въ однихъ наукахъ. Абдалахъ былъ съ природы нѣжнѣе Ибрагима, по чему не чувствительно влюбился въ прелести и разумъ сей младой дѣвицы; привычка и частыя свиданіи страсть ево по вседневно умножали, и на конецъ не могъ уже онъ и одного пробыть дня, невидавшись съ прекрасною бальзорою.

Слава о красотѣ и разумѣ ее столь была велика, что на конецъ дошла и до ушей Калифа, которой подъ видомъ посѣщенія дѣтей своихъ, удовольствовалъ свое любопытство.

ство. Онъ увидѣлъ несравненную Гелимову дочь, прелести ее лица и разумъ, со всѣмъ его обворожили. Калифъ всю ночь препроводилъ въ безпокойствіи, а на другой день велѣлъ призвать къ себѣ Гелима, и говорилъ ему: Я вознамѣрился наградить всѣ твои услуги, возведеніемъ дочери твоей со мною на престолъ Персидскаго царства. Гелимъ зналъ довольно участь сихъ несчастныхъ невольницъ, доходившихъ до сей степени, и при томъ вѣдалъ, что любовь между младыми ево учениками столь была велика, что безъ лишенія жизни помышлять о разлукѣ ихъ было невозможно. Для сего употребилъ онъ все свое краснорѣчіе, что бы отвести Калифа отъ сего предприятія: Пророкъ, говорилъ онъ, да удалитъ подобныя сему

желаніи

желанїи отъ моего Государя, и кровь Калифовъ никогда не будетъ осквернена кровїю столь подлою. Нѣтъ, вскричалъ Калифъ, будучи побуждаемъ не обузданнымъ желанїемъ ко обладанїю толь прелестной супруги, воля моя исполнится, и что бы сей часъ бальзора приведена была къ моему престолу, а ты потщись ее приуготовить къ славѣ, которую ей любовь моя опредѣлила.

Мало времяни спустя, предстала бальзора предъ страшнаго Альнаресхина, недогадываясь совсѣмъ о намѣренїи сего Государя; она показалася глазамъ Калифовымъ пресвѣтлѣе райскихъ Гурїи: но какъ только услышала о намѣренїяхъ его, то пала полумертвая къ ногамъ своего

 тирана.

тирана. Гелимъ бывши свидѣтелемъ печальнаго сего зрѣлища, не могъ удержаться, что бы не проливать слезъ. Онъ употребилъ все свое искуство, дабы возвратить ей чувство, въ чѣмъ по долгомъ времяни и имѣлъ успѣхъ. Онъ представилъ своему Государю, что безъ сомнѣнія младая душа Бользорина немогшая вмѣстить толикой славы, причинила ей сей обморокъ, и что онъ за нужное почитаетъ взять ее къ себѣ, что бы по малу приуготовить ее къ толь мало ожидаемой ею судьбѣ. Калифъ подтвердилъ сіе намѣреніе, и несчастная дѣвица отнесена была въ домъ отца своего; гдѣ присудствіе дражайшего ее Абдалаха столь умножило ее горесть, что занемогла она горячкою. Царь былъ увѣренъ о печальномъ состояніи, въ

которомъ

которомъ они находились чрезъ своихъ придворныхъ, почувствовалъ такую горесть, какую душа его подобная чувствовать можетъ. Чтожъ касается до Гелима, то былъ онъ въ ужасномъ состоянiи; жалость къ дочерѣ, всей ево нѣжности достойной, вразумила на конецъ ево къ средствамъ избавиться отъ угрожаемой ему печали. Онъ возстановилъ лѣкарствами и словами въ тѣлѣ и душѣ дочери своей тишину и спокойствiе, и открывъ ей свое намѣренiе, далъ принять такое питье, которое должно было ее усыпить на нѣсколько часовъ, и придать цвѣтъ мертваго человѣка. На конецъ, учредя сiе, пошелъ онъ предъ Калифа, и увѣдомилъ о мнимой смерти дочери, съ видомъ отца чрезмѣрно огорченнаго смертiю ево дочери. Сiя хитрость получила

 желае-

желаемой успѣхъ, Калифъ не будучи приученъ вдаваться въ размышленiи приличныя человѣчеству, утѣшился скоро о сей утратѣ; однакожъ любовь, которою онъ славился, принудила ево сказать Гелиму, что какъ уже всѣ подданные его извѣстны о его намѣренiи, которыя имѣлъ онъ въ разсужденiи бальзоры его дочери: то вознамѣрился почтить ее какъ дѣйствительную Султаншу, повелѣвъ тѣло умершей положить въ черной палатѣ, возлѣ усопшихъ царицъ.

Абдалахъ, коего народные слухи увѣдомили о намѣренiяхъ ево родителя, неменьше былъ огорченъ, какъ и предмѣтъ нѣжной ево любви. Находятъ въ исторiи Гелимовой всѣ подробности печали

младаго

младаго сего Царевича, что приключилась ему болѣзнь, которую Гелимъ представилъ Калифу отчаянною и неизлѣчимою. Но я здѣсь скажу только, что нѣсколько спустя дней послѣ ложной смерти дочери своей, Гелимъ далъ влюбившемуся Царевичу, выпить тогоже напитка, которой и бальзору погрузилъ въ глубокой и продоложительной сонъ.

У Персіянъ тогда былъ обычай, погребать просто въ черной палатѣ, всѣхъ Царскаго рода, не много спустя послѣ ихъ смерти. Палата сія была общимъ гробомъ всѣмъ тѣмъ, кои происходили отъ поколѣнія Калифовъ, кои соединены были сооными родствомъ. Черная палата поручалася въ смотрѣніе главному врачу, и его должность

была нетолько, что вЪ жизнь родЪ КалифовЪ цѣлить лѣкарствами, но и по смерти тѣла усопшихЪ наполнять всякими душистыми и крѣпкими мастьми, что бы и по смерти сохранить ихЪ отЪ тлѣнности.

Зданіе сіе, черною палатою прозвано было по тому, что оно было здѣлано изЪ чистаго и гладкаго мрамора того цвѣта. Пять тысячь неугасаемыхЪ свѣтильниковЪ ево освѣщали; тутЪ были сто двѣрей здѣланы изЪ самаго лутчего Евеноваго дерева, изЪ которыхЪ каждыя день и нощь охраняемы были пятьюдесять черныхЪ невольниковЪ, кои никого туда не впущали, опричь главнаго врача.

ГелимЪ

Гелимъ приказавъ дочь свою отнести въ сїе великолѣпное и плачевное зданїе, возбудилъ ее отъ наложеннаго имъ сна. Чрезъ нѣсколько времяни принесенъ былъ туда и влюбленной Абдалахъ, которой выпилъ изъ рукъ Гелимовыхъ тотъ же напитокъ. Неможно изобразить радости и удивленія, въ которыя онъ вдался проснувшись. Абдалахъ воображалъ, что онъ уже находится во обиталищѣ благихъ правовѣрныхъ, и думалъ, что духъ бальзоринъ изшедшей не за долго предъ нимъ, идетъ ему на встрѣчу. Но бальзора скоро вывела его изъ сего заблужденія, сказавъ ему въ какомъ мѣстѣ онъ находится. Изтребленное ево мечтанїе, не уменьшило его радости; сїе обиталище ужаса и смерти, казалося ему въ собѣседованїи дражай-

дражайшей ево бальзоры, прелестнѣе тѣхъ садовъ, въ которыхъ Магометъ приемлетъ всѣхъ правовѣрныхъ.

Главной врачь, котораго считали упражняющимся въ бальсамировании сихъ двухъ тѣлъ, входилъ часто въ черную палату, для свиданія и сообщества съ сими двумя равно любезными ему особами. Всѣ ево затрудненіи были въ томъ, какъ бы вывести ихъ изъ сей палаты. Хитрой Гелимъ на конецъ вздумалъ, что полная луна мѣсяца Тизпа приближается, а у Персіянъ было преданіе, что всѣ души царскія въ первое по погребеніи ихъ полномѣсячіе изходятъ восточными дверьми, изъ черной палаты, для отшествія въ жилище благихъ, для чего и дверь сія прозывалась райскою. Гелимъ за благо разсудилъ употребить

требить въ пользу сїе народное суевѣрїе; и когда настала ночь споспѣшествующая ево намѣренїямъ, то одѣлъ обѣихъ любовниковъ въ тонкое и легкое платье лазореваго цвѣта, и покрылъ тонкими покрывалами, кои на зади тащились по землѣ; на Абдалаха наложилъ миртовой вѣнецъ, а на бальзору вѣнокъ сплетенной изъ цвѣтовъ, и оросилъ одѣжды ихъ найдушистыми изъ всей Аравїи водами. Лишь только мѣсяцъ во всемъ своемъ блистанїи возсїялъ, то отворилъ онъ райскїя двѣри, и по выходѣ любовниковъ опять оныя затворилъ.

Черные невольники, бывшїе не въ дальнемъ отъ сихъ двѣрей растоянїи, видя столь блѣстящее зрѣлище, умножающееся болѣе отъ мѣсячнаго сїянїя, и почувствовавъ благо-

вонїе

вонїе Ароматъ изходящихъ изъ одеждъ сей четы, мыслили твердо, что то были души недавно погребенныхъ. Пораженныя и предъупрежденныя симъ мнѣнїемъ пали на землю по приближенїи мнимыхъ сихъ духовъ, и дали время имъ пройтить, не возводя на нихъ нечистыe свои взоры.

На другой день сїи невольники наполняли слухомъ весь городъ, что они видѣли изхощїя души; но какъ вельможи, такъ и самъ Калифъ щитали сїи расказы за обыкновенныя рѣчи, коими привыкли почитать царскихъ особъ, то и прошли они безъ всякаго уваженїя. Гелимъ на четверть мили разстоянїемъ отъ черной палаты поставилъ двухъ лошаковъ, гдѣ онъ съ ними и соединился, и всѣ трое радовались о благопо-

благополучномъ успѣхѣ невинной сей хитрости; онъ отвезъ ихъ въ собственной его домъ находившейся на горѣ Каканѣ. Воздухъ тамъ былъ столь свѣжъ, что Гелимъ нѣкогда привозилъ туда самого Калифа, для излеченія отъ долговремянной ево болѣзни; сей государь возвратясь въ городъ, подарилъ врачу своему всю сію гору, гдѣ онъ имѣлъ хорошей домъ и прекросной садъ. Въ семъ то приятномъ уединеніи, жили Абдалахъ и бальзора, никогда незная скуки: они отъ нее избавлены были помощію любви и наукъ въ ихъ понятіяхъ вмѣщенныхъ. Абдалахъ умѣлъ перемѣнять свои упражненіи, и довольствуясь положеніемъ мѣста своего жилища, съ радостію упражнялся въ наукѣ о земледѣліи и садовъ, въ которыхъ онъ столь пре-

преуспѣлъ, что въ малыя годы, преобразилъ всю гору въ приятные сады, наполненные частыми рощами, бѣседками и цвѣтниками. Гелимъ какъ нѣжной отецъ, старался все нужное доставлять симъ любящимся, что бы пребыванїе ихъ здѣлать приятнѣйшимъ.

Около десяти лѣтъ прошло послѣ мнимой смерти сихъ любовниковъ, какъ Альнаресхинъ былъ взятъ смертоноснымъ Ангеломъ; по кончинѣ его возведенъ на престолъ сынъ ево Ибрагимъ, которой по смерти брата его призванъ былъ ко двору, какъ наслѣдникъ престола. Гелимъ не смѣлъ ему открыть сїю тайну, опасаясь несчастїя, ежели бы дошло то до ушей Альнаресхиновыхъ, хотя и видѣлъ онъ Ибрагима долгое время о смер-

ти

ти брата своего сокрушающагося. По возшествіи же его на престолъ, искалъ онъ только удобнаго случая къ сему признанію: ибо онъ былъ увѣренъ, что вѣстію сею много обрадуетъ брата и царя хорошаго нрава. Долго не могъ онъ найти сего способнаго времяни; но оное само представилось тогда, какъ онъ меньше всего о томъ думалъ. Молодой царь нѣкогда въ жару своей охоты, отсталъ отъ своихъ придворныхъ, и находился близъ горы Какана, утомленъ жаромъ и жаждою. Онъ увидѣлъ домъ, приближась ко оному, дабы усладить свою жажду, спрашивалъ чево нибудь выпить. Гелимъ въ то время находился тамъ, онъ поставилъ предъ царя, своего Питомца, всѣ плоды и наивкуснѣйшіе вина, которыя онъ тамъ имѣлъ, и

видя

видя Царя угощенїемъ ево весьма довольнаго, сказалъ ему, что онъ несравненно приятнѣе сего ему представитъ. Послѣ сего открылъ ему всю тайну о его братѣ. Открытїе сїе въ душѣ младаго Царя произвело неизреченную радость, и величайшее удивленїе. Въ сїе время увидя брата своего, которой велъ за руку бальзору, вскочилъ съ софы и вскричалъ: Ето онъ! Ето дражайшей мой Абдалахъ! Онъ схватилъ его въ свои объятїи и оба проливали отъ радости слезы. бывшїя тутъ въ сїе время находилися въ глубокомъ молчанїи. Царь милостиво выговаривалъ Гелиму, за ево жестокость и недовѣрчивость въ порученїи ему сей тайны. Онъ послѣ сего обнималъ бальзору, и сказалъ ей, что онъ непремѣнно желанїе

отца

отца своего хочетъ испол-
нить, возведя ее съ братомъ
своимъ на престолъ всѣхъ по-
бѣжденныхъ народовъ, по ту
сторону рѣки Тигра. Но сколь
велико было его удивленіе,
когда услышалъ онъ отвѣтъ
сихъ любящихся особъ, ему
толико любезныхъ, что они
приемлютъ великодушіе его
съ должною благодарностію
къ Царю, брату, и другу, что
дары сіи имъ любезны, но въ
тысячу еще разъ любезнѣе имъ
сіе уединеніе, къ которому
они уже привыкли. Они усиль-
но по томъ просили Царя, чтобъ
отмѣнилъ онъ свое намѣреніе.
Царь соглашаясь съ ихъ хо-
тѣніемъ, подарилъ имъ всѣ
тѣ поля, которыя можно бы-
ло видѣть съ вершины горы
Какана. Абдалахъ вступя во
обладаніе оныхъ, приложилъ
свое искуство и попеченіе, и
украсилъ

украсилъ всѣ сіи пространныя поля пещерами, водометами, дорогами, бесѣдками, и словомъ онъ здѣлалъ изъ нихъ наипрекраснѣйшія мѣста, изъ всей Персидской области, которыя и поднесь еще называются Персидскимъ садомъ.

Калифъ Ибрагимъ послѣ долговремяннаго своего царствованія преставился безъ дѣтей; по завѣщанію его возведенъ былъ на престолъ сынъ Абдалаховъ и бальзоринъ. Сей Цар перенесъ столицу Персидскаго государства на гору Каканъ, гдѣ и по сіе время видны еще палаты отца его, любимое жилище Персидскихъ Государей.

КОНЕЦЪ.

